

## ДИНАМИКА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

**Иногамова-Хегай Л. В.**

*Профессор, доктор юридических наук  
профессор МГЮА имени О.Е. Кутафина*

Противодействие преступности, в том числе в экономической сфере, будет более успешным при одинаковом понимании одних и тех же предписаний законодательством, судебно-следственной практикой, наукой. Вместе с тем, ряд фундаментальных положений о преступлениях нередко трактуется по-разному уголовным законом, практикой и доктриной уголовного права. Иногда такое разное толкование уголовно-правовых норм связано с непродуманным и необоснованным их появлением в уголовном законе.

### **Мошенничество**

Нормы о специальных видах мошенничества (ст. 159<sup>1</sup>-159<sup>6</sup> УК) усложнили привлечение виновного к уголовной ответственности<sup>1</sup>. Получение пособия по временной нетрудоспособности при предъявлении поддельного листа временной нетрудоспособности должно квалифицироваться как мошенничество при получении выплат (ст. 159<sup>2</sup> УК) или как мошенничество в сфере страхования (ст. 159<sup>5</sup> УК), или рассматриваться как два вида мошенничества в идеальной совокупности?

К выплатам, согласно ст. 159<sup>2</sup> УК, относятся только выплаты, являющиеся мерами социального характера. Однако понятие „социальная выплата” носит бланкетный характер, в связи чем для раскрытия его содержания требуется обращаться к законам и нормативным правовым актам, регулирующим отношения в области названных выплат. Предме-

---

<sup>1</sup> Введены в УК РФ в 2012 г. См.: Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 29.11.2012.

том рассматриваемого мошенничества выплата является, когда в нормативном правовом акте имеется прямое указание на ее социальный характер, и в ситуации, когда такой характер следует посредством анализа из содержания соответствующей выплаты. К примеру, в преамбуле Закона г. Москвы от 3 ноября 2004 г. „О ежемесячном пособии на ребенка” говорится, что „Закон регулирует отношения, связанные с назначением и выплатой ежемесячного пособия на ребенка, в целях социальной поддержки граждан, имеющих детей”. Из смысла приведенного положения можно заключить, что соответствующее пособие на ребенка относится к социальным выплатам.

Пособие по болезни является социальной выплатой в случае временной нетрудоспособности лица. Но это пособие выдается из средств Фонда социального страхования при страховом случае – заболевании. Болезнь является одним из страховых случаев (которыми могут быть инвалидность, рождение ребенка, смерть человека, потеря кормильца и др.). В таком аспекте, есть основание норму о мошенничестве в сфере выплат (ст. 159<sup>2</sup> УК) рассматривать как полностью охватывающую содеянное и применять именно ее, а не уголовно-правовую норму в сфере страхования (ст. 159<sup>5</sup> УК).

Говорить о соотношении этих норм можно только при социальных выплатах средств из соответствующих бюджетов или средств внебюджетных фондов (Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования, Фонда обязательного медицинского страхования), благотворительных фондов, негосударственных пенсионных фондов, гуманитарных организаций и и.т.д., обеспечивающих страховые случаи социального характера.

Страховые случаи помимо выплат социального характера распространяются на компенсации и денежное возмещение, не имеющего указанного характера. Последними являются, например, страховая сумма в возмещение ущерба в результате автомобильной аварии, или вследствие отмены авиарейса, или повреждения квартиры и имущества из-за пожара и т.п. Понятно, что эти страховые случаи никак не связаны с социальными выплатами, которые предусмотрены ст. 159<sup>2</sup> УК. Следовательно, нет конкуренции указанных норм. Есть смежные уголовно-правовые нормы: одинаковыми являются общие признаки, характеризующие общее понятие мошенничества, а смежность касается социального аспекта. В ст. 159<sup>2</sup> УК выплаты, компенсации, субсидии должны иметь социальный признак, в то время, как возмещение при страховом случае, установленном ст. 159<sup>5</sup> УК, характеризуется его отсутствием.

Полагаю, возможна и совокупность преступлений, предусмотренных ст. 159<sup>2</sup> и 159<sup>5</sup> УК. Только *реальная*.

Лечение фиктивного заболевания в клинике или амбулаторно, на первый взгляд, охватывается признаками состава, закрепленного ст. 159<sup>2</sup> и 159<sup>5</sup> УК. Заболевание – страховой случай, оплата лечения осуществляется за счет средств фонда обязательного (или добровольного) медицинского страхования. Оплата лечения распространяется на любое лицо, как работающее, так и безработного, пенсионера, школьника и т.п. Главное, чтобы это лицо было охвачено обязательным или добровольным медицинским страхованием. Указанная оплата лечения заболевания является социальной выплатой (за исключением добровольного медицинского страхования). Применять нужно норму о мошенничестве в сфере выплат (ст. 159<sup>2</sup> УК), полностью охватывающую содеянное, а не уголовно-правовую норму в сфере страхования (ст. 159<sup>5</sup> УК).

В дальнейшем „выздоровевший” предъявил по месту работы лист временной нетрудоспособности. При получении пособия за счет средств Фонда социального страхования за время отсутствия на работе таким лицом совершается новое мошенничество, установленное ст. 159<sup>2</sup> УК. Совершение этим же лицом страхового мошенничества, например, получение страхового возмещения за фиктивную кражу автомобиля, образует третье мошенничество, предусмотренное ст. 159<sup>5</sup> УК. Три рассмотренных мошенничества составляют реальную совокупность преступлений (ст. 159<sup>2</sup>, ст. 159<sup>2</sup> и ст. 159<sup>5</sup> УК).

Имеется ли совокупность мошенничества с использованием платёжных карт (ст. 159<sup>3</sup> УК) и мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159<sup>6</sup> УК)? Этот перечень можно продолжить. Искусственное выделение специальных норм о мошенничестве можно и нужно аннулировать, исключив статьи с ними из УК РФ.

Статьи 159 УК хватит на все виды такой преступной деятельности.

### **Конкурирующие и смежные нормы**

Одним из сложных вопросов для правоприменения, дискуссионных для науки уголовного права является вопрос о разграничении конкурирующих и смежных уголовно-правовых норм, в том числе и об экономических преступлениях.

Фундаментального специального исследования вопроса о смежных нормах в уголовном праве не имеется. В юридической литературе встречается смешение понятий конкурирующих и смежных норм. Исследуя вопрос о разграничении составов преступлений, нередко о конкурирующих нормах говорят как о смежных, и наоборот. Нормы о разбое и неправомерном завладении автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения ошибочно рассматриваются как кон-

курирующие. Эти нормы являются смежными, поскольку разбой как форма хищения характеризуется безвозмездным завладением имуществом, которого нет в составе неправомерного завладения автомобилем. Для последнего состава характерно временное использование автомобиля<sup>2</sup>.

Смежными составами преступлений следует считать такие, в которых несколько признаков совпадают, но при этом один состав имеет признак, отсутствующий в другом, но второй состав содержит признак, отсутствующий в первом.

Конкурирующие нормы отличаются от смежных норм тем, что конкурирующая норма о преступлении (специальная или целое) всегда имеет все признаки, содержащиеся во второй норме (общей или части), и дополнительно признак, отсутствующий во второй. А смежные нормы большинство признаков, как отмечено выше, имеют совпадающие, но одним или несколькими признаками отличаются. Отличающийся признак обязательно должен быть разного значения,

- несовпадающим

- и не находиться в соотношении части и целого либо общей и специальной норм с отличающимся признаком другой нормы.

В противном случае будут конкурирующие нормы, а не смежные.

К смежным нормам о преступлениях следует отнести уголовно-правовые нормы о пособничестве в хищении (заранее данное обещание приобрести похищенное) и заранее не данное обещание приобрести похищенное (ст. 316 УК) или предметы, добытые преступным путем (ст. 175 УК). При общности других признаков несовпадающие признаки, заранее данное и заранее не данное обещания, исключают друг друга. Если лицо до завершения объективной стороны состава пообещало приобрести похищенное, то эти действия означают интеллектуальное пособничество в хищении. Если обещание приобрести похищенное дано после окончания преступления, то действия лица являются прикосновенностью к преступлению, ответственность за которую при соответствующих условиях может наступить по ст. 316 или ст. 175 УК<sup>3</sup>. Нельзя согласиться с мнением, что нормы о соучастии (в форме пособничества) в хищении и „прикосновенных” преступлениях (заранее не обещанное

<sup>2</sup> См., например: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2002. С. 228.

<sup>3</sup> См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. 2 – е изд. Учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Херай. М.: Инфра-М, 2014 (Автор главы – Л.В. Иногамова-Херай). С. 142-143.

укрывательство)<sup>4</sup>, норм о хищении чужого имущества и хищении, предусмотренном ст. 325 УК, относятся к конкурирующим<sup>5</sup>.

### Оценочные признаки

Одним из современных аспектов политики в борьбе с преступностью является уменьшение числа оценочных понятий в уголовном законодательстве. Желательна унификация понятия крупного размера и причиненного вреда в главе УК о преступлениях против собственности, в которой вредные последствия называются в одних статьях крупным размером, а в других - крупным ущербом. В примечании 4 к ст. 158 УК дается понятие исключительно размера: крупным размером признается стоимость имущества, превышающая 250 тысяч, а особо крупным – один миллион рублей.

В двух составах, причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (п. „б” ч. 2 ст. 165 УК) и неправомерном завладении автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 3 ст. 166 УК), говорится о причинении особо крупного ущерба. В основном составе причинения имущественного ущерба (ч. 1 ст. 165 УК) его признаком является совершение этого преступления в крупном размере. Сравнительно-правовое исследование понятий „размер” и „ущерб”, используемых законодателем в указанных составах, говорит об их схожести. Законодатель определяет одинаковый вредный результат разными понятиями. Допустимо воспользоваться статичным распространительным толкованием. Но оно не исключает разных правоприменения и научных взглядов в раскрытии анализируемого вредного последствия.

В связи с этим предпочтительнее: 1) либо заменить в ст. 165 и 166 УК слова „причинившие особо крупный ущерб” на „совершенные в особо крупном размере”, 2) либо в примечании 4 к ст. 158 УК к особо крупному размеру приравнять особо крупный ущерб, аналогично тому, как это сделано для преступлений в сфере экономической деятельности (см. примечание к ст. 169 УК).

<sup>4</sup> См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 266-267.

<sup>5</sup> См.: Л. Гаухман, А. Филаненко. Отграничение хищений чужого имущества от хищений других предметов, предусмотренных специальными нормами // Уголовное право. 2008. № 5. С. 18-21.

### **Вымогательство - не хищение**

В целях единства политики по раскрытию сущности вымогательства на законодательном, правоприменительном и доктринальном уровнях предпочтительно в уголовном законе отразить самостоятельность вымогательства как корыстного преступления, не являющегося хищением чужого имущества. Из сравнительно-правового анализа положений, предусмотренных нормами о хищении либо вымогательстве ядерных материалов или радиоактивных веществ; о хищении либо вымогательстве оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; о хищении либо вымогательстве наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, (ст. 221, 226, 229 УК), следует вывод о независимости вымогательства от хищения. Понятие хищения является универсальным для разных преступлений с разными объектами посягательства, в связи с чем положения, предусмотренные вышеперечисленными статьями (ст. 221, 226, 229 УК), о самостоятельном характере вымогательства, отличающегося от хищения, распространяются и на соотношение вымогательства и хищения чужого имущества. Между тем вымогательство такого имущества рядом ученых и в правоприменении рассматривается как один из способов хищения. Самостоятельность вымогательства чужого имущества можно предусмотреть в УК, включив в примечание 1 к ст. 158 после определения хищения выражение: „Вымогательство не является хищением”.

### **Группа лиц в хищении**

Дискуссии и разное правоприменение по соучастию вновь возникли в связи с исключением первого абзаца п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 „О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое”. В этом абзаце устанавливалось, что „Действия лиц, похитивших чужое имущество путем кражи, грабежа или разбоя группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, следует квалифицировать по соответствующим пунктам статей 158, 161 и 162 УК РФ по признакам „группа лиц по предварительному сговору” или „организованная группа”, если в совершении этого преступления совместно участвовали два или более испол-

нителя, которые в силу статьи 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное.”<sup>6</sup>.

Исключение из постановления процитированного абзаца в настоящее время рассматривается в судебной практике и науке уголовного права с двух позиций. Согласно одной из них, указанное исключение абзаца означает, что действия одного субъекта преступления следует квалифицировать как совершенные группой лиц хотя бы все эти другие участники, фактически выполнявшие с ним общественно опасное деяние, не могут быть субъектами преступления в силу не достижения возраста уголовной ответственности или потому что являлись невменяемыми в момент совершения деяния. Группа здесь выступает как объективный показатель совершения хищения несколькими лицами<sup>7</sup>.

Представляется, что вышеизложенная позиция не соответствует ни уголовному закону, ни самому постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г.

Уголовный закон о соучастии в целом и совершении хищения группой лиц по предварительному сговору и организованной группой не изменился. Поскольку уголовно-правовые нормы о соучастии, включая совершение кражи, грабежа, разбоя группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, остались традиционными, то вторая точка зрения по раскрытию соучастия в хищении в форме группы лиц по предварительному сговору соответствует уголовно-правовым положениям. Согласно этой точке зрения, анализируемая группа состоит из соисполнителей, являющихся субъектами преступлений<sup>8</sup>.

<sup>6</sup> Первый абзац пункта 12 в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 „О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое” // СПС КонсультантПлюс. Судебная практика.

<sup>7</sup> Эта точка зрения фактически группу рассматривает не как признак соучастия, а как объективный социальный признак объединения усилий нескольких лиц, включая невменяемых, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, других лиц, которые по предусмотренным уголовным законом обстоятельствам не подлежат уголовной ответственности. См.: Уголовное право России. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2005. С. 255; Галиакбаров Р.Р. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. СПб., 2007. С. 292.

<sup>8</sup> См.: Российское уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Учебник. 3 изд. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: Проспект, М., 2010. (автор главы – Л.В. Иногамова-Хегай). С. 252-254; Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013; п. 21, 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. „О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате” // БВС РФ. 2008. № 2.

Полагаю, что традиционное понимание группы лиц по предварительному сговору определяется не только согласно уголовно-правовым нормам о соучастии и указанной второй точке зрения о группе лиц по предварительному сговору. Само исследование положений анализируемых постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 „О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое” и от 23 декабря 2010 г. № 31 „Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам”<sup>9</sup> дает основание к такому же определению группы лиц по предварительному сговору. Рассмотренный выше первый абзац п. 12 был исключен постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31 „Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам”<sup>10</sup>. При этом абзацы второй и третий п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. остались неизменными:

„Если лицо совершило кражу, грабеж или разбой посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, его действия (при отсутствии иных квалифицирующих признаков) следует квалифицировать по частям первых статей 158, 161 или 162 УК РФ как действия непосредственного исполнителя преступления (часть вторая статьи 33 УК РФ) (*абзац второй – Л. И.*).

Учитывая, что законом не предусмотрен квалифицирующий признак совершения кражи, грабежа или разбоя группой лиц без предварительного сговора, содеянное в таких случаях следует квалифицировать (при отсутствии других квалифицирующих признаков, указанных в диспозициях соответствующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации) по части первой статьи 158, части первой статьи 161 либо части первой статьи 162 УК РФ. Постановляя приговор, суд при наличии к тому оснований, предусмотренных частью первой статьи 35 УК РФ, вправе признать совершение преступления в составе группы лиц

---

<sup>9</sup> См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 „О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое”; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31. „Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам” // СПС КонсультантПлюс. Судебная практика.

<sup>10</sup> См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31. „Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам” // СПС КонсультантПлюс. Судебная практика.

без предварительного сговора обстоятельством, отягчающим наказание, со ссылкой на пункт „в” части первой статьи 63 УК РФ (*абзац третий – Л. И.*)”<sup>11</sup>.

Исключенный первый абзац п. 12 постановления в сочетании с сохранившимися вторым и третьим абзацами этого же пункта может и должен толковаться в значении,

во-первых, что соучастием признается деятельность лиц, обладающих признаками субъекта преступления (ст. 19 УК);

во-вторых, что группа в статьях УК о краже, грабеже и разбое (158, 161, 162) рассматривается исключительно в рамках института соучастия (ст. 35).

Частью 1 ст. 35 УК предусмотрено соучастие в форме группы лиц без предварительного сговора, участниками которой являются соисполнители. Последними согласно ч. 2 ст. 33 и ст. 32 УК могут быть исключительно субъекты преступления<sup>12</sup>, то есть физические лица, достигшие к моменту совершения преступления соответствующего возраста и вменяемые. В абзаце втором анализируемого пункта постановления Пленума Верховного Суда РФ сказано о посредственном исполнителе преступления, который совершает его, используя лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других

<sup>11</sup> Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 „О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое” в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31. „Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам” // СПС КонсультантПлюс. Судебная практика.

<sup>12</sup> В ст. 32 УК сказано об участии 2 и более лиц в преступлении, то есть, каждое из них совершает преступление, а не общественно опасное деяние, имеющее иной уголовно-правовой смысл. В частности, в п. „а” ч. 1 ст. 97 УК „Основания применения принудительных мер медицинского характера” говорится о *лицах, совершивших деяния*, предусмотренные статьями Особенной части УК, в состоянии невменяемости. Использование в ст. 97 УК термина „деяние” подчеркивает, что лицо не совершило преступление, а выполнило *деяние*, поскольку невменяемый не может быть субъектом преступления, следовательно, он не совершает преступления.

В ч. 2 ст. 33 УК исполнитель определяется как *лицо*, непосредственно совершившее *преступление* либо непосредственно участвовавшее в *его совершении* совместно с другими лицами (соисполнителями), а также *лицо*, совершившее *преступление* посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК. Характеризуя исполнителя, уголовный закон обособляет от него других лиц, не субъектов преступления (не достигших возраста уголовной ответственности, невменяемых и др.). Таким образом, в этих ст. 32 и ч. 2 ст. 33 УК определенно имеется в виду субъект преступления.

И в ст. 35 УК группа лиц характеризуется относительно института соучастия.

обстоятельств, предусмотренных УК. Таким образом, последние не совершают *преступление*.

В абзаце третьем п. 12 данного постановления от 27 декабря 2002 г. *группа лиц* без предварительного сговора, совершающая кражу, грабеж или разбой, характеризуется относительно соучастия (ст. 35 УК). Следовательно, характеристика Пленумом Верховного Суда РФ группы лиц как соучастия сохраняется и применительно к группе лиц по предварительному сговору и организованной группе.

Сопоставительный анализ положений, предусмотренных исключенным абзацем первым с действующими абзацами вторым и третьим п. 12 рассматриваемого постановления от 27 декабря 2002 г. может свидетельствовать, что группа лиц – это соисполнители, являющиеся субъектами преступлений, и характеризующая соучастие, закрепленное ст. 35 УК (но никак объективный социальный признак).

Исключение анализируемого первого абзаца п. 12 указанного постановления не меняет принципиального положения, что группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа применительно к статьям о хищении относятся к соучастию. Следовательно, для квалификации хищения по признаку, совершенного группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, необходимо наличие всех признаков, характеризующих группу как элемент соучастия.<sup>13</sup>

Анализ рассмотренной полемики, имеющейся в научной среде и в судебно-следственной практике, связан в определенной степени с тенденцией превращения российского уголовного права, олицетворяемого с континентальной системой права,<sup>14</sup> в смешанное право. Смешанная система права характеризуется тем, что в ней наряду с основами континентального права (закон как источник права, обобщенные дефиниции, принципы права, цели наказания и др.) имеют место положения общего англо-американского и мусульманского права.

По уголовному законодательству РФ только уголовный закон является источником уголовного права. Однако фактически положения постановлений Пленума Верховного Суда РФ по практике применения уголовного закона нередко используются российскими судами в качест-

<sup>13</sup> Непонятным только является, зачем, с какой целью этот абзац был исключен из п. 12 рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда РФ.

<sup>14</sup> См.: Малиновский А.А. Сравнительное уголовное право. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 88, 91.

ве уголовно-правовых норм<sup>15</sup>, что характерно для общей системы права. Включение в УК РФ норм об ответственности за приготовление к преступлению в качестве самостоятельных посягательств также подтверждает наличие элементов общего англо-американского права в российском праве. В общем праве приготовление не рассматривается как преступление<sup>16</sup>, поэтому понятно введение самостоятельной уголовной ответственности за некоторые приготовительные деяния в странах общего англо-саксонского права. И в международном уголовном праве приготовление не рассматривается как преступное деяние (то есть, вопрос о приготовлении решен согласно канонам общего права). Именно в связи с этим в международных договорах государствам-участникам таких договоров приготовление к некоторым преступлениям рекомендуется предусмотреть как самостоятельные преступления<sup>17</sup>.

По российскому же уголовному праву приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлениям наказуемо, поэтому полагаю, что введение уголовно-правовых норм об ответственности за приготовление в УК РФ является избыточным и свидетельствует о наличии элементов общей системы права.

### **Обратная сила закона и мошенничество**

Юридическое и фактическое окончания длящегося и продолжаемого преступлений чаще всего не совпадают. Уголовным законом, по которому следует квалифицировать длящееся преступление, одни авторы называют закон, во время действия которого было исполнено общественно опасное деяние (юридическое окончание) независимо от времени фактического прекращения преступного состояния.<sup>18</sup> Другие

---

<sup>15</sup> Примером могут быть рекомендации Пленума Верховного Суда РФ по квалификации убийства, сопряженного с другими преступлениями, предусмотренными п. „в“, „з“, „к“ ч. 2 ст. 105 УК, по совокупности с этими сопряженными преступлениями. См.: п. 7, 11, 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 № 1 „О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 Уголовного кодекса РФ)“, п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 „О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности“ // СПС КонсультантПлюс. Судебная практика.

<sup>16</sup> См.: Малиновский А.А. Сравнительное уголовное право. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 184, 220 и др.

<sup>17</sup> См., например: п. „а“ ст. 15 „Подкуп национальных публичных должностных лиц“ Конвенции против коррупции 2003 г. // СПС КонсультантПлюс. Международные акты.

<sup>18</sup> См.: Уголовное право. Общая часть / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 2002. С. 37.

ученые таковым считают закон, в период действия которого наступило фактическое окончание длящегося преступления.<sup>19</sup> Первая точка зрения представляется предпочтительней.

В соответствии со вторым мнением квалифицировать длящееся преступление, фактическое окончание которого наступило во время действия даже более строгого второго закона, нужно по этому суровому закону, хотя бы юридически оконченным уже данное длящееся преступление было во время действия первого, более мягкого закона. Однако, при этой квалификации не учитывается, что юридически преступление, например, побег из места лишения свободы, было совершено во время действия более мягкого закона. Совершивший побег мог и не знать, что последующий закон окажется более строгим. Несправедливо вменять в ответственность лицу более строгий закон, не действовавший на момент выполнения преступления, и о существовании которого во время совершения своего деяния (действия / бездействия) оно могло и не знать. Вполне реальна ситуация, когда знание лица о более суровой новой ответственности за совершение планируемого преступления могло бы удержать его от нарушения уголовно-правового запрета.

Квалификация длящегося преступления по закону, действующему во время фактического окончания деяния, на самом деле напоминает объективное вменение. Независимо от того, знало или не знало в момент совершения преступления лицо о признании последующим уголовным законом совершаемого им деяния более общественно опасным (следовательно, влекущим более строгую ответственность), привлекать такое лицо к ответственности сторонники критикуемой позиции предлагают по закону, объективно действующему в момент фактического окончания преступления. Условно говоря, лицу предлагается вменять в ответственность совершение того, что еще не предусматривалось законом в момент его осуществления.

Иное положение складывается при квалификации длящегося преступления в соответствии с первой точкой зрения. Предложение о квалификации длящегося преступления по закону, действовавшему в момент юридического окончания преступления, основано на конституционном принципе о толковании неустранимых сомнений в виновности лица в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ), принципах законности, вины, справедливости (ст. 3, 5, 6 УК) и принципе обратной силы уголовного закона (ч. 1 ст. 10 УК).

---

<sup>19</sup> См.: Уголовное право России. В 2-х томах. Т. 1. Общая часть /под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., ИНФРА-М-НОРМА. 1997. С. 35.

Имеющая место научная дискуссия о квалификации длящегося преступления свидетельствует о наличии „неустранимых сомнений”, которое я предлагаю решать в пользу лица, совершившего преступление. Одновременно с действием этого конституционного принципа реализуются уголовно-правовые принципы законности, справедливости, вины и обратной силы закона. Квалификация длящегося преступления по закону, действовавшему в момент юридического окончания, означает учет вины лица именно в процессе выполнения действия/бездействия, „дающего окончанный состав преступления”. Когда такой закон оказывается более строгим, чем последующий, то согласно принципу обратной силы новый, более мягкий закон будет распространяться на длящееся преступление. И, соответственно, если юридическое окончание длящегося преступления „пришлось” на закон, более мягкий, в сравнении с последующим строгим законом, в период действия которого фактически закончилось это преступление, квалифицировать длящееся преступление надо будет по мягкому закону. Предложенное решение по квалификации длящегося преступления соответствует коллизионным правилам „темпоральной” конкуренции уголовно-правовых норм.

Лица, совершившие длящиеся преступления, ставятся в равное положение, независимо от каких-либо внутренних или внешних условий, включая оперативность сотрудников правоохранительных органов.

Приведенные аргументы по квалификации длящегося преступления сохраняют свою силу относительно квалификации продолжаемого преступления, а также действий соучастников.

Продолжаемое преступление при несовпадении его юридического и фактического окончаний предлагается квалифицировать по закону, действовавшему в момент его юридического окончания.

Например, сотрудник решил совершить мошенничество в крупном размере путем систематического обмана своей организации о наличии у него льгот на получение социальной выплаты. В марте 2011 г. во время действия нормы о хищении в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации”<sup>20</sup> мошенничество было уже совершено в крупном размере. Фактически на этот момент лицо реализовало умысел на совершение преступления в крупном размере. Следовательно, юридически продолжаемое преступление было уже окончено. Фактическое же

<sup>20</sup> См.: Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации” // СПС КонсультантПлюс. Законодательство.

прекращение преступления наступило в феврале 2014 г. при действии специальной статьи 159<sup>2</sup> УК „Мошенничество при получении выплат”. К тому же к этому времени в санкцию общей нормы о мошенничестве (ч. 3 ст. 159 УК) были внесены изменения:

- добавлено наказание в виде принудительных работ на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового<sup>21</sup>,

- и дополнительное наказание к лишению свободы на срок до шести лет и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового в виде штрафа было заменено (усилено): вместо штрафа в размере до *десяти тысяч рублей* или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до *одного месяца* либо без такового ввели штраф в размере до *восемидесяти тысяч рублей* или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до *шести месяцев* либо без такового<sup>22</sup>.

Итак, юридическое окончание преступления наступило во время действия одной нормы о мошенничестве, санкция которой предусматривала наказания: штраф в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет либо лишение свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до десяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового (в ред. Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ)<sup>23</sup>.

Фактическое окончание мошенничества в крупном размере произошло в период действия двух норм, общей и специальной. Считаю, что применять следует общую норму о мошенничестве, действующую в период юридического окончания хищения, а не фактического. Это исходное правило.

<sup>21</sup> См.: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” // СПС КонсультантПлюс. Законодательство.

<sup>22</sup> См.: Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” // СПС КонсультантПлюс. Законодательство.

<sup>23</sup> См.: Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации” // СПС КонсультантПлюс. Законодательство. Закон вступил в силу со дня опубликования, 11 марта 2011 г. в Российской газете.

Вместе с тем, для всестороннего обоснованного решения рассматриваемого вопроса необходимо исследовать конкуренцию уголовно-правовых норм 1) в связи с обратной силой закона и 2) коллизией общей и специальной норм.

1) Конкуренция общих норм о мошенничестве с юридическим и фактическим его окончанием решается в пользу нормы с юридическим окончанием и на основании применения правила об обратной силе закона. Юридически окончено преступление было во время действия нормы, предусмотренной Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации”.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” санкция нормы о мошенничестве была дополнена основным наказанием в виде принудительных работ на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового. Данный закон смягчил санкцию нормы о мошенничестве, так как расширил перечень альтернативных лишению свободы наказаний.

Следующим Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” дополнительное наказание к лишению свободы в виде штрафа было усилено: от штрафа в размере до *десяти тысяч рублей* или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до *одного месяца* либо без такового до штрафа в размере до *восемидесяти тысяч рублей* или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до *шести месяцев* либо без такового. Таким образом, этот Федеральный закон является более строгим и не имеет обратной силы.

Проанализировав вопрос об обратной силе закона по применению общей нормы о мошенничестве, я прихожу к выводу, что применять следует эту норму в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” как самый мягкий промежуточный закон.

Однако не изменится ли сделанный вывод в связи с исследованием коллизии (конкуренции) общей и специальной норм о мошенничестве?

2) Специальная норма, предусмотренная ст. 159<sup>2</sup> УК „Мошенничество при получении выплат”, была введена в УК Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты

Российской Федерации”. На это время юридически мошенничество было окончено. Согласно коллизионному правилу о приоритете специальной нормы, квалифицировать в рассматриваемом примере мошенничество следует по ч. 3 ст. 159<sup>2</sup> УК. Санкция за специальное мошенничество мягче в сравнении с наказанием за общий вид мошенничества. По ч. 3 ст. 159<sup>2</sup> УК лишение свободы предусмотрено на срок до *пяти лет*, а по ч. 3 ст. 159 УК – до *шести лет*.

Предложенная квалификация останется неизменной даже, если бы санкция за специальное мошенничество была бы жестче. Коллизионное правило о приоритете специальной нормы над общей является аксиомой.

Иначе вопрос о конкуренции общей и специальной норм решается при обратной силе закона. Специальная норма с более строгим наказанием, принятая позже, не может быть использована, так как не имеет обратной силы. Квалифицировать деяние и привлекать виновного к уголовной ответственности необходимо по общей норме как более мягкой, во время действия которой и было совершено преступление.

### Мелкое хищение

К дискуссионным в науке уголовного права и правоприменительной деятельности относится вопрос о понятии мелкого хищения. Распространена позиция, согласно которой считается, что административно наказуемыми являются кража, мошенничество (и его виды), растрата и присвоение при стоимости похищенного имущества не свыше одной тысячи рублей. Вместе с тем соответствующей действующему УК и основным положениям российского законодательства представляется иной взгляд на мелкое хищение. Согласно закону, преступность и наказуемость деяния определяется уголовным законом (ст. 3, 14 УК). Если в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК совершенное ненасильственное простое хищение на сумму не свыше одной тысячи рублей нельзя признать малозначительным, то виновный привлекается к уголовной ответственности по ст. 158, 159, 159.1-159.6 или 160 УК. При установлении основания для признания соответствующего хищения не представляющим общественной опасности и применении ч. 2 ст. 14 УК хищение, согласно ст. 7.27 КоАП, является административным правонарушением.

Такой вывод о хищении как уголовном или административном деянии согласовывается и с административно-правовой нормой. В ст. 7.27 КоАП закреплено, что мелкое хищение имеется только при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ч. 2, 3 и 4 ст. 158, 159, 159<sup>1</sup>-159<sup>3</sup>, 159<sup>5</sup>, 159<sup>6</sup>, а также ч. 2 и 3 ст. 159<sup>4</sup>, 160 УК. То есть,

хищение на сумму не свыше одной тысячи рублей, но совершенное при квалифицирующих обстоятельствах, рассматривается исключительно как преступление. Общепризнанным в доктрине уголовного права является положение, согласно которому квалифицированный состав обязательно должен содержать все признаки основного состава преступления<sup>24</sup>. Первая позиция о признании административным проступком любой простой кражи, мошенничества, присвоения и растраты на сумму, не превышающую одной тысячи рублей, противоречит названному уголовно-правовому положению. Квалифицированное хищение, согласно этой позиции, возникает на основе административно-наказуемых кражи, мошенничества, присвоения и растраты. Однако квалифицированное хищение может образовать деяние, в котором имеются, прежде всего, признаки основного состава преступного хищения. Следовательно, мелкое хищение является преступлением, а не проступком. Хищение не относится и к деяниям с административной преюдицией. При последней проступком признается второй или последующий акт после привлечения лица к административной ответственности за первое правонарушение.

Второй взгляд на решение конкуренции между нормами, предусмотренными ст. 7.27 КоАП и ч. 1 ст. 158, 159, 159<sup>1</sup>-159<sup>6</sup>; 160 УК, в пользу последних соответствует и ч. 2 ст. 14 УК и ст. 7.27 КоАП.

Определенным выходом из указанной ситуации может стать включение в ст. 158 УК примечания 5 в такой, например, редакции: „Мелкое хищение чужого имущества путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты на сумму не свыше одной тысячи рублей, предусмотренное частью первой статей 158, 159, 159<sup>1</sup>-159<sup>6</sup>, 160 Уголовного кодекса Российской Федерации, при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния, влечет наложение административного наказания по ст. 7.27 КоАП”. Одновременно из ч. 1 ст. 7.27 КоАП нужно исключить слова „при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных частями второй, третьей и четвертой статьи 158, частями второй, третьей и четвертой статьи 159, частями второй, третьей и четвертой статьи 159<sup>1</sup>, частями второй, третьей и четвертой статьи 159<sup>2</sup>, частями второй, третьей и четвертой статьи 159<sup>3</sup>, частями второй и третьей статьи 159<sup>4</sup>, частями второй, третьей и четвертой статьи 159<sup>5</sup>, частями второй, третьей и четвертой статьи 159<sup>6</sup> и частями второй и третьей статьи 160

<sup>24</sup> См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2000; Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений. М., 2002. С. 71-79.

Уголовного кодекса Российской Федерации”. Последние уже будут предусмотрены в УК РФ.

Можно учесть законодательный опыт Республики Казахстан, где в новом УК РК<sup>25</sup> в ст. 187 мелкое хищение отнесено к числу уголовных правонарушений в виде уголовного проступка.

### **Избыточность УК**

Современные вызовы в борьбе с преступностью связаны с отсутствием обоснованности криминализации ряда „экономических” преступлений, перенасыщением УК специальными и смежными нормами.

В УК предусмотрена уголовная ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 169); регистрацию незаконных сделок с землей (ст. 170); фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ст. 170<sup>1</sup>); незаконное предпринимательство (ст. 171); незаконную организацию и проведение азартных игр (ст. 171<sup>2</sup>); незаконную банковскую деятельность (ст. 172); незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица (ст. 173<sup>1</sup>); незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173<sup>2</sup>); злостное уклонение от предоставления инвестору или контролирующему органу информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах (ст. 185<sup>1</sup>); нарушение порядка учета прав на ценные бумаги (ст. 185<sup>2</sup>); внесение в реестр владельцев ценных бумаг недостоверных сведений, а равно умышленное уничтожение или подлог документов, на основании которых были внесены запись или изменение в реестр владельцев ценных бумаг, если обязательное хранение этих документов предусмотрено законодательством Российской Федерации (ч. 3 ст. 185<sup>2</sup>); воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ст. 185<sup>4</sup>); фальсификацию решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (ст. 185<sup>5</sup>); невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193).

---

<sup>25</sup> Принят 3 июля 2014 г., вступил в действие 1 января 2015 г. См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан. Алматы: Норма-К, 2014.

Данные статьи в УК представляются лишними. Деяния, предусмотренные названными статьями, либо уже были закреплены уголовно-правовыми общими нормами, либо не представляют такой общественной опасности, которая с неизбежностью и обязательностью нуждается в уголовно-правовой реакции. В последнем случае достаточно мер административного, дисциплинарного и иного воздействия.

Считается, что в ст. ст. 169 и 170 УК закреплены специальные нормы о злоупотреблении должностными полномочиями. Подобное мнение не совсем соответствует положениям теории конкуренции уголовно-правовых норм. На самом деле ст. ст. 169 и 170 УК криминализированы новые виды деятельности должностных лиц (без закрепления последствий). Поэтому правильнее нормы о составах преступлений, предусмотренных этими статьями, назвать частно-специальными<sup>26</sup>. Общественно опасны ли данные деяния без причинения существенного ущерба лицу, организации или государству? Видимо за такие злоупотребления должностных лиц вполне достаточно было бы дисциплинарной и (или) административной ответственности.

Анализируемые нормы свидетельствуют о существенном смягчении уголовной ответственности должностных лиц. При причинении ущерба и наличии других признаков, охватываемых одновременно нормами о злоупотреблении должностными полномочиями и воспрепятствовании законной предпринимательской деятельности или регистрации незаконных сделок с землей, привлекать к ответственности этих лиц следует, соответственно, по ст. ст. 169 или 170 УК, санкции за которые значительно ниже санкции основного состава злоупотребления должностными полномочиями.

Злостное уклонение от предоставления инвестору или контролирующему органу информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах (ст. 185<sup>1</sup> УК) конкретизирует общую норму о злоупотреблении полномочиями (ст. 201 УК) и по вышеназванным причинам также является избыточной.

Неудачной следует признать редакцию ст. 203 УК о превышении полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей. Приемлемее было бы вместо

---

<sup>26</sup> В частно-специальных нормах нет полного соответствия признакам общей нормы: либо нет вредных последствий, либо мотива или цели, либо каких-то факультативных признаков объективной стороны состава, имеющих в обязательном порядке в общей норме.

„должностных” обязанностей использовать слово „служебные”. Здесь „должностные” обязанности характеризуют полномочия лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих и иных организациях. В таких ситуациях предпочтительнее использовать общее понятие „служебные”. В доктрине уголовного права и судебной практике термин „должностные” применяют, как правило, для характеристики должностного лица как специального субъекта ряда должностных преступлений и связанных с этим должностных полномочий (прав и обязанностей).

К современным проблемам я отношу и возрождение как преступного деяния с административной преюдицией. Последняя, появившись в ст. 178 УК „Недопущение, ограничение или устранение конкуренции”<sup>27</sup>, устанавливается и в других преступных деяниях (например, в ст. 151<sup>1</sup> УК „Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции”).

Как положительный момент в динамике развития уголовного законодательства можно оценить изменение названия и содержания преступления об ограничении конкуренции, предусмотренного ст. 178 УК, Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ „О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации”<sup>28</sup>. Административная преюдиция для установления этого деяния как преступного сейчас исключена данным законом.

Преступность деяния с административной преюдицией – это пройденный этап в истории уголовного российского права. Веских аргументов в пользу ее восстановления не приведено. Проблемы же квалификации преступлений с административной преюдицией явные. В их числе: лицо должно быть привлечено к административной ответственности; иногда определенное число раз; в течение конкретного срока и др. Учитывая, что в системе учета административных правонарушений не все отлажено, установление уголовной ответственности за преступление с административной преюдицией вряд ли будет единообразным.

<sup>27</sup> См.: Федеральный закон от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ „О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации” // СЗ. 2009. № 31. Ст. 3922.

<sup>28</sup> См.: Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ „О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации” // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 9.03.2015.

Динамика развития законодательства, доктрины и судебной практики по экономическим преступлениям отличается противоречивой характеристикой. Реальность такова, что в целях достижения успеха в одинаковом законном правоприменении и научном обосновании противодействия преступлениям, возможно лучшим решением в современные дни является установление моратория на изменение уголовного законодательства. Тогда объединение усилий научных и практических работников по реализации норм уголовного законодательства в борьбе с преступностью возможно с большим успехом способно принести ощутимые положительные результаты.

## АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изменениям действующего УК РФ об экономических преступлениях, судебному применению некоторых норм об этих преступлениях. Предложен ряд правил квалификации общей и специальной норм о мошенничестве, при обратной силе норм о мошенничестве. Раскрываются понятия мелкое хищение, попытка Пленума Верховного Суда РФ изменить понятие группы лиц в хищении с учетом изменения, внесенного его постановлением 2010 г. Анализируется избыточность УК.

**Ключевые слова:** нормы общие и специальные о мошенничестве; конкуренция норм; смежные и конкурирующие нормы; мелкое хищение; обратная сила закона; группа лиц по предварительному сговору; избыточность УК.

## ANNOTATION

**DINAMICS OF CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIAN  
FEDERATION ON RESISTANCE CRIMES OF  
ECONOMIC DIRECTION**

The changings of current criminal legislation of Russian Federation on economic crimes and judicial practice are analyzed in the article. The rules of qualification of common and special norms on fraud and retroactive effect of the law on fraud are suggested. Notion of little theft is offered. The attempt of Supreme Court of Russian Federation on notion of complicity on group of persons with primary collusion in view changing of Plenum of Supreme Court of Russian Federation 2010 year is analyzed. Excess of Criminal Code of RF is researched.

**Key words:** common and special norms on fraud; competition of norms; neighbouring and competitive norms; little theft; retroactive effect of the law; group of persons with primary collusion; excess of Criminal Code of RF.

**Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна**

доктор юридических наук, профессор,  
профессор кафедры уголовного права  
Московского государственного юридического университета  
имени О.Е. Кутафина (МГЮА им. О.Е. Кутафина)  
+7(916) 690 10 31, inhlv@yandex.ru  
123100, Москва, п /о 100, а/я 11

**Inogamova-Hegai Lyudmila Valentinovna**

Doctor of law, Professor  
Professor of Department of Criminal law of Kutafin law state academy  
+7(916) 690 10 31, inhlv@yandex.ru  
Post Address: A/JA 11, P/O 100 Moscow 123100 Russia